

* * *

Шли к Ленину, — и другу, и вождю,
Ходатаи соломенной России.
И боль и неуверенность свою
К нему в глазах усталых приносили.

Сложив мешки и палки в уголок,
Они на дверь смотрели, беспокоясь:
А ну, как выйдет Ленин на порог,
Не прозевать бы — поклониться в пояс.

И кланялись, не поднимая век,
И маялись, что вышло против правил:
Картавый непонятный человек
За плечи брал, с собою вровень ставил.

Казалось, он не просто понимал,
Что прежний опыт правит их душою.
Он в них саму Россию поднимал
Из прошлого в грядущее большое.

Сам впроголодь, но чаем угощал,
И мужики смекали по привычке,
Что этот чай под стать их постным щам,
И доставали сало и яички.

И слов его душевный слыша тон,
Додумывали тонко и дотошно:
— Уж больно прост. А вдруг не Ленин он,
А некий главный у него помощник?

Он простотою больше поражал,
Чем напускным величьем поражают.
И в этом никому не подражал,
Как сам себе народ не подражает.

* * *

Естественность, естественность во всем.
У озерца в уединенном месте,
В тиши домашней, или же на съезде —
Она была одной и той же в нем.

Вот, торопясь, — и к стулу не дошел, —
Он прямо там, где мысли подоспели,
Пристроился у сцены на ступени,
Нацелившись на лист карандашом.

Так просто — на завалинке сидят.
Так сам — от близких и родных в отрыве —
Он сиживал у костерка в Разливе,
За пламенем задумчиво следя...

И с легкостью, как будто невесом,
И просто, словно он в лесу, в июне,
Спустя минуту, он пройдет к трибуне,
Открытый
И естественный во всем.

СНЕГ

Снег падал и падал,
Прилежно беля
Дороги и пади,
Леса и поля.

Летел, канителя,
У окон жилья...
И дома безделья
Не выдержал я.

С лопатой совковой
Шагнул за порог,
Испробовать новый
Решил черенок.

Оструган, отглажен
Ножом и стеклом,
К железу прилажен
И скреплен гвоздем.

Веселая сила,
Широкий замах.
Ходила красиво
Лопата в руках.

И было приятно,
Устав, покурить,
И вновь аккуратно
Тропинку торить,

И думать о счастье,
Которое в том
И ищешь отчасти,
Чтоб рядом — твой дом.

И в том, что вот выйдешь
На утренний свет,
И дышишь, и видишь,
Как падает снег.

* * *

Припомним ее бытие:
Россия на тройках рысила,
На папертях хлеба просила,
Житье проклиная свое.

Ждала, поклоняясь крестам,
Спасет ли ее самодержец,
Английский заем или дерзость,
Забывших смиренье крестьян.

Так где же ее берега?
Россию, как на море в качке,
Бросало то в войны, то в стачки,
То в жаркий огонь баррикад.

А тюрьмы, как трюмы, во тьме.
Но в горе, беде и обиде
Россия умела предвидеть:
Ракеты чертила в уме.

САННАЯ ДОРОГА

Это праздник — санная дорога!
Пусть мальчишки раскрывают рты:
Во дворе у нашего порога
Кони надевают хомуты.

От меня пока немного толку,
Но своей работы знаю круг:
Волоку то вожжи, то седелку,
Ременной разыскиваю кнут.

Лезу в сани, путаясь в тулупе,
Еду — и забывчиво гляжу
На одну, на лошадином крупе
Пляшущую шалую вожжу.

И скрипят, и усыпляют сани.
И уже, едва глаза сведешь,
Кажется, что сани мчатся сами,
Но вперед, назад ли — не поймешь.

И тепло, и сладко мне, и грустно.
И легко, и как-то плавно течь
Красным снам про пироги с капустой,
Сладкий чай, натопленную печь.

А проснешься — та же степь немая.
Но зато какая благодать,
Кнут и вожжи в руки принимая,
— Н-но, родные! — весело кричать.

И шагать, давая передышку
Мокрым от работы лошадям,
Примеряя свой, короткий слишком,
Шаг к отцовским медленным шагам...

* * *

В моем окне с утра видна
В подтеках смерзшейся капли
Картина с надписью: «Весна» —
Произведение апреля.

Он сотворил спокойный дым
Поверх задумчивого неба,
Внизу забор, а рядом с ним
По-женски солнечную вербу.

И так все было хорошо,
Когда — ни лучше, ни иначе...
Но вот уже апрель ушел,
И кистью май работать начал.

Не пожалев, на тот же холст,
Он, над апрелем издеваясь,
Веселой краски бросил горсть —
Куда и облака девались!

Заголублили небеса,
Рванулись зелены из почек.
И я смотрел во все глаза,
Шепча себе: «Вот это почерк!»

Когда ж и яблоня в пейзаж
Вошла в наряде подвенечном,
Преображенный садик наш
И сравнивать-то было не с чем.

А сад загадочно глядел,
Как будто спрашивал из рамы:
«А ты уверен, что предел?» —
И грезил первыми плодами.